

— Почему молодой господин Сюй спит за столом? — спросил Вэнь Цзин, выходя из комнаты. Он собирался доложить Его Величеству о ходе разбора докладов, но, увидев, что молодой господин Сюй дремлет, склонившись на стол, а Его Величество спокойно сидит рядом, наблюдая за ним, удивился.

Инь Яньцзюнь поднял взгляд на Вэнь Цзина и равнодушно сказал:

— Не нужно караулить его. Иди в свою комнату и отдохни.

В полдень Му Юй и Ци Чэнь так и не вернулись. Тётушка Ли приготовила слишком много еды, поэтому отложила часть и отнесла семье деревенского старосты. Вернувшись, она несла в руках маленькую бамбуковую корзину, наполненную парующими горячими булочками.

— Сегодня семья старосты парила булочки. Когда я пришла, А-Нин уже схватил корзину и собирался бежать сюда. Родители не могли его остановить, и только бабушка, боясь, что он всё рассыплет, еле успела его удержать, — рассказывала тётушка Ли, едва сдерживая смех. Внук старосты, с круглой, словно у тигрёнка, головкой, и правда был очень мил.

Сюй Яньцинь криво усмехнулся:

— Большинство детей только и умеют, что шуметь и раздражать, но этот пухлый малыш — на редкость спокойный.

Он редко говорил что-то хорошее о детях, но, к сожалению, А-Нин сейчас не было рядом, иначе тот, наверняка, радостно бы запрыгал.

В глазах Иньяньцзюня мелькнула едва заметная улыбка. Молодой господин обычно утверждал, что не выносит детей, но, похоже, сердце у него мягкое, и слова расходятся с делом.

Утром он возился с тем устройством для сахарной ваты, а после обеда, став вялым, как солёная рыба, не найдя в себе сил, просто сбросил одеяло и повалился на кровать.

Повернув голову, Сюй Яньцинь заметил небрежно завязанную ленточку в волосах. Он нащупал узел — тот и не думал развязываться. Юноша не удержался от улыбки: похоже, Даос не только искусный кузнец, но и в причёсках разбирается.

Солёная рыба глубоко восхитилась мастерством Даосского Наставника и выразила ему почтение, сложив руки. Для существа, прожившего столько времени в этом мире, овладеть хотя бы одним способом закалывания волос — уже немалое достижение.

Сюй Яньцинь смутно проснулся от чириканья во дворе и голосов тётушки Ли с Вэнь Цзином, что сновали туда-сюда.

Под одеялом стало душно и жарко, он лениво скинул его ногой и положил босые ступни сверху. В такой позе он выглядел ленивым, расслабленным и слегка неряшливым.

Он ещё долго валялся, но чириканье не утихало. Остыв после жары, Сюй Яньцинь нехотя поднялся с постели и толкнул дверь.

Снаружи царил полный хаос. Юноша моргнул, решив, что ещё не до конца проснулся и всё это ему мерещится. Однако после нескольких попыток открыть и закрыть глаза, картина не изменилась.

По двору носились семнадцать или восемнадцать недоросших цыплят. Тётушка Ли с Вэнь Цзином ловили одного, другой ускользал — оба выглядели изрядно потрепанными.

Один цыплёнок добежал до двери комнаты солёной рыбы и, метаясь, пытался проскользнуть внутрь, но был хладнокровно отброшен ногой безжалостной рыбы.

Обиженный птенец всполошённо захлопал крыльями и налетел прямо на Сюй Яньцинь. В тот же миг твёрдая, костистая рука схватила его за спину. Цыплёнок замахал крыльями, сопротивляясь, но это было бесполезно.

— Наставник Даос, — позвал Сюй Яньцинь.

— Мм? — Инь Яньцзюнь взглянул на растрёпанного молодого господина. — Ты в порядке?

— Всё нормально, — лениво отмахнулся солёный ленивец и, посмотрев на цыплёнка в руке Наставника, с явным довольством в голосе произнёс: — Надоел ты мне. Сегодня вечером ты станешь жареной курицей.

Мясо у цыплёнка нежное — жарить будет вкусно.

Сюй Яньцинь сглотнул слюну, глядя на птенца. Видимо, он совсем не был настоящей солёной рыбой, а скорее — солёной рыбой с сильной тягой к вкусной еде.

Увидев, как после поимки одного птенца остальные разбежались, тётушка Ли метнулась за помощью к соседям и позвала нескольких здоровенных стражников.

Чем больше рук, тем легче дело. Потрудившись почти весь день, все вместе наконец переловили цыплят.

Тётушка Ли с тревогой смотрела на курятник во дворе. Построенный наспех, он и раньше был временным решением, а тут ещё несколько дней подряд шли проливные дожди — скорее всего, они и размыло конструкцию. Сегодняшний беспорядок лишь показал все слабые места, и вот цыплята разбежались.

Сюй Яньцинь, словно зритель какого-то весёлого представления, подошёл ближе к тётушке Ли и уставился на временно угомонившихся цыплят:

— Этот курятник, похоже, придётся перестраивать?

— Именно! — вздохнула тётушка Ли. — Кто ж знал, что ливень его смочит подчистую!

Сюй Яньцинь почесал подбородок, велел стражникам притащить кирпичи и доски, а сам развалился в лежанке, лениво наблюдая за процессом постройки курятника.

В древности дома в основном строили из глины, смешанной с землёй. Глина была липкой, но прочностью с цементом не сравнится.

Так что в голове Сюй Яньциня тут же всплыла формула цемента. Солёная рыба вздохнула, поднял руку и шлёпнул себя по лбу — хотел так выбить все эти лишние мысли.

Цемент — штука хорошая, но у солёной рыбы не было ни сил, ни желания что-то изобретать. Лежать было куда приятнее.

Увидев, как молодой господин вдруг хлопнул себя по голове, Инь Яньцзюнь даже не успел его

остановить — только и услышал звонкий «шлёп».

Он с натянутой улыбкой потёр его голову:

— Зачем такие глупости? Ты ведь обычно сообразительный.

Нет, солёной рыбе ум ни к чему. А вдруг от этого шлепка он немного поугаснет? Взгляд Сюй Яньциня упал на цыплят в курятнике:

— Наставник Даос, ты помнишь, какой из них в меня врезался?

Инь Яньцзюнь мысленно: как вообще монах должен отвечать на такое?..

Но молодой господин, кажется, и сам прекрасно запомнил того нахала, так что никакой помощи ему не требовалось. Он тут же выцепил среди всей оравы того самого цыплёнка, что искал себе приключений.

— Тётушка Ли, вон тот выглядит особенно жирненьким и аппетитным. Почему бы нам не поджарить его сегодня?

Солёная рыба, наевшись сахарной ваты, теперь жаждала жареной курицы.

— Он ещё слишком мал. Сейчас не время его резать, — осторожно заметила тётушка Ли. Почему это молодой господин так внезапно возжелал курятины?

— М-м, — Сюй Яньцинь уставился на цыплёнка, который всё ещё пытался сбежать, — в этом возрасте они как раз самые нежные. И, похоже, он сам с этим согласен.

Солёная рыба снова понёс ахиною, на этот раз с самой серьёзной миной на лице.

Тётушка Ли только хихикнула:

— Ни одна курица добровольно в могилу не пойдёт. Но раз уж молодой господин пожелал, нарежем одну сегодня.

Инь Яньцзюнь мягко усмехнулся. Похоже, здоровье у молодого господина и правда пошло в гору. Ещё недавно он от всего блевал, а теперь сам себе меню составляет.

Подумав об этом, он снова поднял руку и взъерошил юноше волосы.

Тётушка Ли пошла ловить курицу. А стражники, размешав глину, уже начали выкладывать кирпичи. Работали быстро, и вскоре новый курятник был готов. Когда всех цыплят загнали внутрь, стража убрала беспорядок во дворе и разошлась.

Видя, что тётушка Ли уже готовится резать курицу, Сюй Яньцинь с довольной миной потянул за собой Наставника Сюаньчэнь. Возможно, проснулось у него вдруг чувство совести, и он даже попытался подбодрить его:

— Наставник Даос, не переживай. Если не будешь видеть сам процесс, не расстроишься. В конце концов, ем-то её я.

Инь Яньцзюнь рассмеялся и пояснил:

— На самом деле, я вовсе не настоящий даос. Живу в миру, разве можно остаться

незапятнанным? Из-за одной курицы я точно волноваться не стану.

Он ведь не был тем идеальным отрешённым бессмертным, чья добродетель сияет, как свет фонаря. Нынешний мир в Далянь — это заслуга его прежней жестокой руки.

Он убивал без счёта. На фоне этого — что там одна курица?

Солёная рыба моргнул, внезапно вспомнив, кем на самом деле был этот человек, и мгновенно уловил скрытый смысл его слов.

Двор, недавно разорённый цыплятами, был приведён в порядок Вэнь Цзином. Он заметил, что на столе остались птичьи следы, поэтому перетащил его к водяной бочке, тщательно обмыл и поставил обратно.

Новый курятник выстроили в дальнем углу двора. Тётушка Ли зарезала курицу на том самом месте, где раньше стоял старый курятник. После того как ощипала и вычистила её, положила мясо в таз для маринования и тут же убрала территорию вокруг.

Когда Му Юй и Ци Чэнь вернулись из города, им показалось, что во дворе что-то изменилось. Му Юй долго оглядывался, пока наконец не нашёл новый курятник. Услышав объяснения тётушки Ли, он тоже немало повеселился.

— Но в этом есть и плюс. Когда цыплята подрастут, по утрам будут орать всюду. Перенесли их подальше — и молодой господин будет спокойно досыпать, — сказал Му Юй.

Ци Чэнь не удержался и цокнул языком:

— Молодого господина даже гром не разбудит, что уж говорить о цыплятах.

Суй Яньцинъ несколько не обиделся на насмешку. В конце концов, крепкий сон — это особый дар солёной рыбы. К тому же жареная курица пахла настолько аппетитно, что у него просто не оставалось сил слушать болтовню Ци Чэня.

Му Юй отлично вырастил этих цыплят. Пусть птенец был и маловат, мясо у него оказалось ничуть не хуже. В этом возрасте оно ещё не успевает стать жёстким — и аромат стоит на весь двор!

Тётушка Ли, следуя указаниям молодого господина, обмазала замаринованного цыплёнка мёдом, обваляла в муке и целиком опустила в кипящее масло.

Мука на поверхности быстро превратилась в хрустящую, золотистую корочку. Затем цыплёнок продолжили жарить на медленном огне. Мясо у него было особенно нежным, так что прожарился он быстро и равномерно.

Пока можно было заварить чашку чая, Суй Яньцинъ уже сидел во дворе с тазиком, вгрызаясь в жареную курицу. Солёная рыба не был жадным — щедро отломил большой кусок и поделился с Ци Чэнем и Му Юем, после чего оторвал ножку и протянул её Наставнику Сюаньчэню.

Ци Чэнь: Это что ещё за божественная тактика от молодого господина? Он, что, всерьёз хочет заставить монаха есть мясо?

Но, к его изумлению, Инь Яньцзюнь спокойно поднял руку и взял изящную, хрустящую куриную ножку.

На самом деле, Инь Яньцзюнь редко ел мясо — и вовсе не из-за своих монахоподобных замашек, а по другим причинам, о которых посторонним знать не полагалось.

Вэнь Цзин утомился за день — не выспался, потом ещё и двор убирал, — так что давно уже ушёл в комнату отдыхать. Сюй Яньцин отложил кусок мяса в чистую пиалу и отправил ему.

Один цыплёнок и так был невелик, а когда каждый получил по порции, оставалось уже не так много. Солёная рыба оторвал ещё одну ножку и с наслаждением начал её грызть.

Кожа получилась особенно хрустящей, а замаринованное мясо внутри — мягким, сочным. С умелым контролем температуры от тётушки Ли каждый кусочек был просто великолепен. Словом, солёная рыба грыз курицу с таким удовольствием, что чувствовал даже лёгкое разочарование, когда она закончилась.

После ужина Инь Яньцзюнь вышел с молодым господином прогуляться по двору. Как и ожидалось, тот прошёл совсем немного, и на его пухлом лице тут же появилось выражение полуживого мученика, с яростным внутренним протестом против всякой физической активности.

Но озорной Ци Чэнь тут же добавил ему ещё один круг. У солёной рыбы даже сил не было, чтобы дать нахалу затрещину.

— Не могу больше идти... мои ноги сказали, что устали, — молодой господин внезапно обмяк, и руки, и ноги у него сделались ватными.

С усмешкой Инь Яньцзюнь протянул руку, чтобы поддержать его за талию. Молодой господин, конечно, ленив, но эта лень у него была своеобразная. Если сам что-то хотел сделать — мог и весь день не жаловаться на усталость.

Но если дело его не интересовало, и его начинали подталкивать — он сразу сдавался: бледнел, тело ослабевало, и вся его поза становилась немым воплем: я не хочу.

Тёплая ладонь Инь Яньцзюня обняла его сбоку:

— Осталось совсем чуть-чуть, потерпи.

Солёная рыба не хотел даже поднимать ноги и жалобно пробормотал:

— Ноги болят...

Он просто мечтал вернуться в свою мягкую постель и заснуть, свернувшись клубочком.

Инь Яньцзюнь чуть ослабил давление руки и мягко массировал молодому господину поясницу:

— Как только дойдём, я разомну тебе ноги. Будет не так больно.

Сюй Яньцин, с полуприкрытыми, уставшими глазами, чуть моргнул, и под успокаивающий голос Наставника Сюаньчэня медленно продолжил идти. Распаренного, уставшего солёного ленивца встретил Му Юй и проводил в ванну.

Ванны во дворе раньше не было — Му Юй только сегодня привёз её из города.

Вода в ней доходила Сюй Яньциню до груди. Он лениво откинулся назад, позволяя Му Юю его мыть.

Маленькая фасолинка в животе снова начала шевелиться. Му Юй с интересом уставился на живот молодого господина:

— Молодой господин, маленький хозяин становится всё активнее!

— Мм... — солёная рыба слабо отозвался. Его совершенно не волновала эта фасолина.

Сюй Яньцин, почти дремавший в ванне, очнулся, когда Му Юй его окликнул. Он поднялся, вода стекала по телу, и на его идеально белой коже проступили две небольшие ямочки на пояснице — удивительно красивые и притягательные. Только чуть выступающий живот выглядел слегка необычно.

Свернувшись калачиком у кровати, Сюй Яньцин позволил Му Юю мягко вытереть волосы тканью. Когда пряди почти высохли, солёная рыба больше не могла усидеть на месте: поднял руку, оттолкнул Му Юя и с ленцой растянулся на постели. Его пухленькое лицо, обрамлённое тёмными, распущенными волосами, выглядело словно тонко вырезанная из нефрита статуэтка.

В этот момент дверь отворилась, и внутрь вошёл Инь Яньцзюнь, держа в руках изысканный флакон с лекарством. Подняв взгляд, он увидел, как изящный и красивый молодой господин уже закрыл глаза, готовясь ко сну.

— Наставник Сюаньчэнь? — Му Юй удивлённо поднял голову, явно не ожидая, что тот зайвится к их молодому господину в такой час. Он поспешил понизить голос и объяснить: — Наставник, молодой господин уже уснул...

— Мм, — Инь Яньцзюнь кивнул, как будто это было не так уж важно. Он подошёл ближе и лёгким движением убрал с лица юноши тёмную прядь волос.

Му Юй немного растерялся. Хотя его молодой господин всегда ладил с наставником Сюаньчэнем особенно хорошо, он никак не ожидал, что тот придёт к нему посреди ночи... да ещё и будет касаться его лица.

Неужели Наставник Сюаньчэнь... питает чувства к молодому господину? Но ведь монахи, вроде бы, должны быть выше мирских желаний? Му Юй почесал голову — сколько ни думал, всё равно не мог прийти к какому-то выводу.

— Наставник, вы наконец пришли, — пробормотал солёная рыба, сонно приоткрывая глаза. Завидев в руках Инь Яньцзюня флакон с лекарством, он недовольно приподнял бровь, бесцеремонно вытянул из-под одеяла ноги.

Му Юй, по приказу господина, вышел из комнаты и направился к себе, всё ещё пребывая в замешательстве. Как раз в этот момент из своей комнаты вышел Ци Чэнь — и они столкнулись нос к носу.

— Ай! — Ци Чэнь схватился за лоб. — О чём ты там думаешь? Ходишь, как во сне!

Му Юй зажмурился от боли, сдерживая желание попрыгать на месте, чтобы её притупить. Потирая лоб, он с сомнением сказал:

— Наставник Сюаньчэнь сейчас у молодого господина в комнате.

— Мм, — Ци Чэнь кивнул с видом: я слушаю, продолжай.

Му Юй похлопал его по руке:

— Молодой лекарь Ци, тебе не кажется это странным? Хотя у них и хорошие отношения, словно они старые друзья с первого взгляда, но... середина ночи, наставник не спит и идёт к молодому господину в комнату. Что-то тут не так...

Главное — Му Юй прекрасно знал, что его молодой господин питает интерес к мужчинам. Подумав об этом, он только сильнее почувствовал, что всё как-то... подозрительно.

Ци Чэнь выслушал все его домыслы с видом человека, которому вот-вот лопнет терпение, после чего со вздохом хлопнул его по плечу:

— Му Юй, иди-ка сюда. Дай-ка я у тебя пульс проверю.

Наставник Сюаньчэнь в деревне Сюй уже сколько живёт? А этот болван до сих пор не догадался?

— Молодой лекарь Ци? — Му Юй удивлённо посмотрел на него. — Но я вроде не болею...

— Нет-нет, болеешь. У тебя с головой не всё в порядке, — цокнул языком Ци Чэнь. — Помнишь, как ты в первый раз увидел даоса Юаньчэна и всё ходил, говорил, что он тебе знаком? Ну, теперь помнишь, откуда?

Смена темы была слишком резкой, и Му Юй не успел даже возмутиться насчёт «с головой не в порядке». Он попытался сосредоточиться и вспомнить лицо даоса Юаньчэна, но тот уехал уже много дней назад, и образ стерся.

— Не помню, — честно признался он. Хотя всё равно было какое-то ощущение... знакомости.

— Эх! — Ци Чэнь тяжело вздохнул. Маркиз Уань действительно был интересным человеком — доверить своего младшего сына такому простодушному и медлительному слуге... Это уж совсем безнадежно. — Ладно, не заморачивайся. Как бы там ни было, хоть молодой господин и ленив, голова у него ясная. Он прекрасно понимает, что делает.

Му Юй подумал, кивнул с полным согласием:

— Молодой лекарь Ци прав.

И с облегчением отправился к себе отдыхать.

Ци Чэнь, глядя ему вслед, снова потёр лоб, который всё ещё ныл от удара, и с усмешкой пробормотал:

— Большое сердце — тоже добродетель.

Солёная рыба тем временем уютно устроился на кровати, лениво натянул на себя тонкое одеяло, оставив снаружи только ноги. Затем по привычке закрыл глаза — и вскоре заснул.

Инь Яньцзюнь сидел рядом, молча глядя на нежное лицо юноши, затем медленно протянул руку и аккуратно закатал ему штанину, обнажив белые, гладкие ноги.

Из-за своей ленивой природы ноги у молодого господина были белыми и гладкими, а икры — мягкими и чуть округлыми, словно у него с рождения не было в них никакой силы.

Инь Яньцзюнь вылил немного целебного масла себе на ладонь, быстро растёр его, разогревая, и лишь когда кожа на ладони ощутимо нагрелась, аккуратно опустил руки на икры молодого господина.

И без того нежная кожа под воздействием масла стала сиять мягким, чуть влажным светом, как тёплый, гладкий нефрит: белоснежная, чистая и притягательная.

Инь Яньцзюнь опустил взгляд, добавил ещё немного масла и своими широкими, тёплыми ладонями полностью охватил икры, мягко разминая и массируя.

Молодой господин уже спал глубоким сном, но массаж оказался настолько приятным, что он дважды промычал что-то невнятное и провалился в ещё более сладкую дрему.

Закончив с обеими ногами, Инь Яньцзюнь вытер руки, аккуратно опустил штанину и заправил ноги под одеяло.

Стоило только накрыть ноги, как молодой господин перевернулся на бок, потерял ногами друга о друга и слегка свернулся калачиком — весь такой послушный и милый.

Инь Яньцзюнь налил чашку горячей воды и поставил её на табурет у кровати. Затем нагнулся и легонько погладил юношу по щеке, прежде чем покинуть комнату.

•

Последние дни стояла странная погода — то жарко, то холодно, как будто само небо не могло определиться. Сюй Яньцин слегка простудился, и Му Юй тут же запретил ему дальше валяться в кресле во дворе. Так солёная рыба послушно перебрался в комнату, где продолжил возиться с деревянными деталями для механических часов.

Все деревянные элементы уже были готовы и тщательно отполированы ещё в те времена, когда он таскал даосского наставника Сюаньчэня работать в поте лица.

Но приступить к окончательной сборке пока было нельзя — не хватало некоторых важных деталей. Поэтому Сюй Яньцин переключил внимание на оставшиеся доски.

Он собирался сделать из них оригинальный деревянный календарь — такой, какие были очень популярны в будущем. Правда, в древности отсчёт времени вёлся не так просто, как позже: нужно было учитывать Небесные стволы и Земные ветви, а это всё-таки чуть сложнее.

Хотя для Сюя Яньцина это не было проблемой. В периоды, когда его лень отступала, он был способен на многое.

Раз уж нельзя было развалиться во дворе, он остался в комнате и занялся распиловкой досок. Но при этом он трезво оценивал свои сильные и слабые стороны: рисовал он ещё сносно, а вот почерк у него был заметно хуже, чем у наставника Сюаньчэня.

Поэтому Сюй Яньцин без лишних колебаний вручил задачу по подписыванию календаря даосскому наставнику.

— Наставник, смотри, у этих деревянных кубиков по шесть граней. Нужно просто переписать на них все знаки по чертежу, по порядку, — Сюй Яньцин наклонился поближе, белоснежные пальцы мягко скользнули по схеме, разложенной перед ними.

Они были совсем рядом — Инь Яньцзюнь чувствовал, как тёплое дыхание юноши касается его шеи. Его тело на мгновение замерло.

— Наставник, — Сюй Яньцин тихонько дёрнул его за рукав, моргнул и невинно спросил: — Вы поняли?

Инь Яньцзюнь, до этого погружённый в собственные мысли, вздрогнул. Рука сама собой поднялась, как будто инстинктивно защищая юношу сбоку:

— ...Я что-то не понял. Молодой господин, повторите ещё раз?

Его сердце, до того спокойное, будто и правда дрогнуло. Пусть едва заметно — но дрогнуло.

<http://bllate.org/book/12638/1120941>